

**ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ В ЭКОНОМИКЕ, ВОЗМОЖНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ В КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**Статья опубликована в журнале
Ученые записки ЗабГУ. 2014. № 4(57). С. 102–113**

Развивавшаяся в течение двух столетий идея отрицательного воздействия ресурсного изобилия на развитие общества в конце XX в. выразилась в появлении понятия «ресурсное проклятие». Наша задача – проследить историю этой идеи и разворачивающейся вокруг нее экономической дискуссии с целью обнаружения точек соприкосновения ее с проблемой модернизации. Имеющиеся на сегодняшний день попытки применить данный теоретический конструкт в философских обобщениях вызывают возражения и обвинения в абсолютизации отдельных факторов, а применение этой закономерности к оценке перспектив российской модернизации вызывало негативные отзывы вплоть до обвинений в «демонизации ресурсов». Однако есть основания считать, что выходящие на проблему взаимодействия природы и общества экономические исследования ресурсного проклятия имеют фундаментальное значение для социально-философского осмысления проблемы модернизации.

Предпосылки идеи ресурсного проклятия в классической политэкономии, философии и социологии до середины XX в. Мысль о том, что ресурсное изобилие сдерживает развитие общества, была озвучена уже в рамках политэкономии и социальной философии XIX в. Замечание Маркса о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора» [14, с. 7], и о том, что слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах» и «не делает его собственное развитие естественной необходимостью», [13, с. 522] свидетельствуют именно о таком понимании проблемы. Но поскольку ресурсы и территории действуют только в приложении к определенной численности населения, это актуализировало демографический фактор. «Если для разделения труда внутри мануфактуры, – писал Маркс, – предпосылкой является определенная численность рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность». Со ссылкой на Джеймса Милля он писал о необходимости увеличения плотности населения для повышения производительности труда [13, с. 365].

Идея отрицательного воздействия ресурсного изобилия на развитие общества органично вплеталась в социологические, философские и экономические исследования XIX – начала XX в. В частности, мысль о разделении труда как причине прогресса использовал Э. Дюркгейм. Общество «механической солидарности» сменяется у него обществом «органической солидарности» под действием стесненности. «Разделение труда прогрессирует... тем более, чем больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении» [6, с. 239].

О том, что «материальное оскудение» Западной Европы сделало невозможным ее дальнейшее экономическое развитие в докапиталистической

форме, писал В. Зомбарт [8, с. 194]. Обнаруживая главный фактор европейской модернизации в формировании «капиталистического духа», причины последнего он объяснял вполне материалистически: «стремлением выйти за пределы своего пропитания» [7, с. 15]. Основная черта докапиталистического общества – уверенный покой, свойственный всякой органической жизни. Модернизация, таким образом, – превращение ее в беспокойство; она преобразует принципиально статичное общество в принципиально динамичное [7, с. 19].

Если в философском обосновании и теоретической разработке идеи немалую роль сыграла работа А. Тойнби, в частности механизм «вызова-ответа», примененный им для объяснения динамики цивилизаций [18, с. 113–187], то в экономике и социологии наиболее близко к данному объяснению причин социально-исторических трансформаций подошли сторонники «демографической школы». В частности М.М. Ковалевский использовал гипотезу роста населения для объяснения развития европейского общества [9], а в фундаментальном труде об экономике России называл высокую плотность населения «основным фактором роста производительных сил» [10, с. 399]. Важно заметить, что исследования сторонников «демографической школы» зафиксировали зависимость эволюции систем земледелия от плотности населения. Причем эта зависимость считалась настолько точно установленной, что приобрела характер обратной методологической связи: известный советский историк-демограф Б.Ц. Урланис уточняет данные о численности населения в отдаленные эпохи (средневековье и новое время) на основе господствующих тогда систем земледелия [19, с. 110]. Таким образом, эволюция систем земледелия (примитивные, экстенсивные, интенсивные, переходные и современные) и динамика плотности населения находятся в такой взаимосвязи, что один показатель истории используют для уточнения другого и наоборот.

О позитивных последствиях роста народонаселения в разных странах писал А. Сови: опровергая тезисы мальтузианства, он указывал на то, что в странах с высокой плотностью населения обнаруживаются экономический прогресс, обустроенность территории, увеличение продолжительности жизни [17]. Посредством демографической динамики он объяснял многие факты мировой истории, в частности, упадок Испании в XVII–XVIII вв., Ирландии в XIX в., которые произошли, по его мнению, из-за снижения численности населения в результате массовой эмиграции в Америку [17, с. 13–17].

Современная экономическая теория: гипотеза Бозеруп и ее проверка. Для начала отметим, что само возникновение современной экономической науки, ее выделение из классической политэкономии связано именно с осознанием факта конечности ресурса. Если предметом изучения политэкономии было производство и распределение богатства, то предметом «экономикс» становится оптимальное использование ресурсов [12, с. 36]. Появление такого предмета экономической науки и такого принципа хозяйственной деятельности возможны только при столкновении человеческого мышления с фактом конечности ресурса, что говорит в пользу трактовки модернизации как интенсификации экономической системы общества, наступающей в условиях стесненности.

В рамках современной экономической науки положение об интенсификации под влиянием роста населения и недостатка ресурсов было оформлено

в теорию во второй половине XX в., когда Эстер Бозеруп, специалист в области экономического и сельскохозяйственного развития, доказала, что при определенных условиях рост плотности населения ведет к интенсификации сельского хозяйства, следовательно, не к упадку и бедности, а к развитию экономики и росту благосостояния. Она констатировала факт благотворного воздействия ресурсной стесненности не только на сельское хозяйство, его интенсификацию в технологическом аспекте, но и на распространение частной собственности [25]. Таким образом, стесненность, тесно связанная с плотностью населения, выступает у нее и как фактор трансформации социальной структуры аграрного общества. На основании собственных исследований она утверждала, что не только технологические и экономические, но и социальные изменения не будут иметь места, если сообщество не испытывает демографического давления.

Благодаря этим положениям датский ученый вошла в историю экономической науки как «классик в теории развития» и открыла целое направление экономических и исторических исследований, направленных на проверку «гипотезы Бозеруп». Сформулированные ею положения прямо или косвенно подтверждались другими исследованиями, как экономическими [28; 45], так и историческими [51]. Авторы этих и ряда других работ обнаружили тесную связь развития сельского хозяйства с его интенсификацией, доказали, что рост населения способствует экономическому развитию и решению продовольственной проблемы, росту благосостояния общества, а не обнищанию.

Последовали и первые уточнения. Анализ экономической динамики отдельных стран показал, что развитие происходит тогда, когда интенсификация сельского хозяйства оказывается менее затратной, чем вовлечение в оборот новых земель [42]. В разное время подтвердили и уточнили тезис о развитии сельского хозяйства под влиянием стесненности и прироста населения экономисты и историки У. Дейрити, Д. Крауткремер и К. Джонстон [31; 39; 43]. Они доказали возможность применения этой закономерности для изучения аграрной экономики в исторически отдаленные эпохи и показали, что более многочисленное и более плотное население облегчает развитие социально-экономических структур, в свою очередь увеличивающих производительность сельского хозяйства.

Нельзя сказать, что гипотеза Э. Бозеруп не подвергалась сомнению или критике. Уже в 80-х гг. А. Келли, исследовавший воздействие демографической динамики на экономическое и социальное развитие, показал, что и то, и другое – сложные явления, не позволяющие заключить все закономерности их взаимодействия в одном теоретическом положении [41]. Тезис, что рост населения способствует экономическому развитию, он считает упрощенным. Его же собственное исследование показало, что в основном это утверждение верно по отношению к доиндустриальным обществам, аграрная экономика которых действительно интенсифицировалась и трансформировалась под влиянием демографического давления. Но далеко не всегда это приводит к развитию, особенно в современном мире, где многое зависит от других факторов – степени перенаселения, обеспеченности ресурсами, политической ситуации и т.д. Слишком большое перенаселение и стесненность в ресурсах, характерные для ряда азиатских стран во второй половине XX в., приводят ско-

рее к отрицательным последствиям. Это – серьезные уточнения, но легко заметить, что тезис об отрицательном воздействии ресурсного изобилия на модернизацию они не опровергают.

Другие работы показали, что рост населения стимулирует экономический рост лишь в определенных пределах. Р. Билсбороу, исследуя демографическое давление и сельскохозяйственное развитие в развивающихся странах, констатирует, что перспективы повышения уровня жизни здесь выше при более медленных показателях роста населения [24]. Автор фиксирует различные реакции обществ развивающихся стран на увеличение плотности сельского населения (расширение обрабатываемых земель, интенсификация, эмиграция, снижение рождаемости), однако, несмотря на это очевидное достоинство его работы, нет оснований считать ее опровержением интересующей нас закономерности. Во-первых, рост благосостояния отнюдь не всегда является показателем модернизации. Как показала экономическая история ряда стран во второй половине XX в., этот рост может быть обеспечен массивным экспортом природных ресурсов, а не развитием экономики. Во-вторых, рост населения в этих странах в данный период, равно как и нагрузка на естественные ресурсы, действительно начинают превосходить все мыслимые масштабы, и из интенсифицирующего фактора превращаются в дестабилизирующий. Мало кто сомневается сегодня в том, что чрезмерно высокий рост населения – препятствие для повышения уровня жизни.

С.Дж. Скэнлен исследует наличие и доступность продовольствия в слабо индустриализированных обществах, прослеживает влияние стесненности в продовольственных ресурсах на экономическое развитие [49]. Его работа не опровергает базовое положение об интенсифицирующем воздействии дефицита продовольственных ресурсов на развитие экономики. Демографическое давление, считает автор, имеет отрицательные последствия непосредственно, но последующее развитие технологий, применение удобрений, интенсификация форм землепользования, развитие инфраструктуры и интернационализация продовольственных рынков уравнивают эти отрицательные эффекты. И напротив – увеличение доступа к сельскохозяйственным ресурсам далеко не всегда решает проблему обеспечения населения продовольствием.

Э. Креншоу и К. Робинсон проверяют положение о том, что исторически возрастающая плотность населения способствует развитию доиндустриального общества, усложнению его структуры и положительно влияет на современные экономические показатели [30]. Они считают это классическое положение в целом верным, хотя предупреждают о недопустимости его упрощенного понимания. Их исследование экономической динамики в 101 развивающейся стране в период 1970–2000 гг. в основном не опровергло этого положения, хотя в реальности в каждой стране все сложнее. Внутри этой закономерности действуют и другие, усложняющие ее.

Важны доводы заведомых противников теории [44]. Э. Ламбен и П. Мифруа критически относятся к положению о том, что стесненность в ресурсах приводит к развитию. «Экономические, технологические или институциональные инновации не обязательно возникают в ответ на ограничения ресурсов – так же как недостаток камней не являлся движущей силой революции бронзового века» [44, с. 116]. В основе их работы – изучение трансформации

систем землепользования в результате сокращения тропических лесов Юго-Восточной Азии под влиянием хозяйственной деятельности людей. Исследование было призвано проверить, вызваны ли изменения в землепользовании отрицательными социо-экологическими последствиями в результате истощения ключевых ресурсов, или они зависят от внешне детерминированной социально-экономической трансформации и инноваций, заимствованных извне и не имеющих отношения к состоянию экосистемы. Оказалось, что внешние влияния играют не меньшую, а в каких-то аспектах даже большую роль, чем внутренние. Однако есть основания считать, что результаты этого исследования не опровергают проверяемого положения, а дополняют его тем, что в условиях глобализации внешний фактор (заимствование технологий и институтов) играет все большую роль, а фактор стесненности – все меньшую.

«Ресурсное проклятие» и «голландская болезнь». Завершает свое становление обозначенная идея появлением понятий «ресурсное проклятие» и «голландская болезнь». Они были введены в 70–80-х гг. XX в., когда мир столкнулся с фактом значительного падения уровня жизни в странах-экспортерах нефти, а широкая разработка месторождений природного газа в Северном море Нидерландами и рост поступлений от экспорта природных ресурсов привели к укреплению курса национальной валюты, но подорвали конкурентоспособность других секторов, в частности, сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности [23; 47]. Считается, что голландская болезнь – один из симптомов ресурсного проклятия. Последовали широкие исторические сопоставления: ученые обратили внимание на ускоренное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и Японии по сравнению с Россией на рубеже XIX – XX в.

Сразу после появления этих теоретических конструктов в научной печати возник внушительный массив литературы, авторы которой стремились опровергнуть, подтвердить или уточнить стоящую за ними закономерность. В частности, исследователи Н. Динг и Б. Филд показали необходимость разведения понятий «ресурсная зависимость» и «ресурсная обеспеченность» [32]. Первое полностью соответствует закономерностям «ресурсного проклятия», здесь они соглашаются с Дж. Саксом и А. Уорнером, а вот второе может иметь и позитивные последствия для экономики.

Однако большинство ученых принимают теорию ресурсного проклятия почти безоговорочно. Э. Бульте, Р. Дамания и Р. Дикон исследовали отношение между изобилием ресурсов и экономическим ростом и доказали закономерность ресурсного проклятия. Они обнаружили, что ресурсоемкие страны показывают более низкий уровень человеческого развития [27]. Однако, считают они, прямой связи между ресурсами и благосостоянием не существует. Имеются также существенные различия в эффектах, производимых различными видами ресурсов на различные аспекты благосостояния. В целом их результаты показали, что ресурсное проклятие является более охватывающим феноменом, чем считалось ранее, и что есть лишь различия между воздействиями различных типов ресурсов на различные аспекты управления экономики и политики и благосостояние общества. Сам же механизм ресурсного проклятия не только не опровергается, но и уточняется.

Авторы коллективной монографии под редакцией М. Хамфриса, Дж. Сакса и Дж. Стиглица идею ресурсного проклятия сомнению не подвергают, напротив, считают, что история последней четверти XX в. ее подтверждает [34]. Они отталкиваются от нее и дают рекомендации к социальной и экономической политике в целях избегания деградации экономики и общества под влиянием ресурсного изобилия.

В существовании механизма ресурсного проклятия не приходится сомневаться и потому, что уже разработаны и реально действуют рекомендации правительствам по его избеганию, создан международный проект, поддерживаемый многими странами. Это Инициатива за прозрачность в добывающей промышленности – Extractive Industries Transparency Initiative (EITI) – коалиция правительств, компаний и представителей гражданского общества, сотрудничающих в целях увеличения открытости и ответственности в управлении доходами от природных ресурсов. Ученые-экономисты уже подводят некоторые итоги этой инициативе, о чем и пишет К. Корригэн [29]. Он проверяет, насколько эффективны были эти мероприятия, прежде всего в странах, богатых ресурсами. Эффективность проекта оценивается автором на основе исследования двух показателей, предположительно испытывающих угнетающее воздействие ресурсного изобилия: экономическое развитие и качество управления. Анализу подвергнуто 200 стран, результаты подтверждают наличие положительного эффекта, хотя и не столь значительного, как можно было ожидать. Исследователь обнаруживает, что EITI была успешна в защите экономики ряда стран от ресурсного проклятия, но оказалось, что она малоэффективна в воздействии на уровень демократии, политическую стабильность и коррупцию. Однако, считает автор, требуется повторить исследование через 5–10 лет, когда у политики EITI будет достаточно времени, чтобы произвести эффект.

Ресурсное проклятие и политика: «нигерийская болезнь». Необходимо говорить о влиянии ресурсного изобилия не только на развитие экономики, но и на социально-политические процессы. Здесь также имеет место дискуссия, но в основном отрицательное воздействие механизма ресурсного проклятия на политическую сферу сомнению не подвергается. Как считает Н. Шэксон, зависимость от минеральных ресурсов является злом не только в силу замедления экономического роста, но и вследствие внутренних конфликтов, нарастающего неравенства, стагнации демократии и расцвета коррупции [50, с. 1123]. Т. Карл полагает, что в странах, богатых ресурсами, серьезно затрудняется не только диверсификация экономики, но и процесс становления демократии [40], а по словам Р. Аути, такие государства «обзаваются корыстным и хищническим чиновничеством, заботящимся только об извлечении ренты» [цит. по: 16, с. 113]. Э. Уэйнтел и П. Луонг считают, что страны-рантье стремятся к социально-политическому контролю над собственным населением через навязывание различных форм экономической зависимости от государственной власти, единолично получающей и перераспределяющей сырьевую ренту [53, с. 38.]. В итоге «оппозиционные настроения слабеют, произвольно расходуемые деньги тратятся на покупку народной поддержки, а экономика оказывается подверженной захвату со стороны государства и высокой коррупции» [16, с. 119]. Р. Саква полагает, что «избыточные доходы, эффек-

тивно осваиваемые зрелым демократическим государством, вполне могут использоваться на благо всего общества», однако в ряде стран «нефтяное проклятие исказило структуру экономики, дурно сказалось на открытости и подотчетности политиков, усугубило сепаратизм и внутренние распри» [16, с. 112; 48]. По мнению М. Росса, диапазон этих столкновений колеблется «от вялой борьбы за сецессию в дельте реки Нигер или Южном Таиланде до полномасштабных гражданских войн в Алжире, Колумбии, Судане и, разумеется, Ираке» [46, с. 4].

Для фиксации подобных явлений было введено понятие «нигерийская болезнь»; оно отражает реальность, когда «огромная природная рента поощряет коррупцию и возвращает обособленную от общества политическую элиту, отправляющую миллиарды долларов в швейцарские банки, в то время как национальная инфраструктура приходит в упадок, а большинство населения нищает» [16, с. 113]. Так, пишет Р. Саква со ссылкой на работу Д. Хиро, из 400 млрд. долларов, полученных Нигерией от добычи нефти в 1960–1999 гг., 380 млрд. были «разворованы или растрочены впустую» [16, с. 126; 38].

Однако и здесь не все однозначно.

По мнению Р. Саквы, хотя синдром рантье искажает политическое развитие, не стоит считать аксиомой утверждение, что любое богатое ресурсами государство неизбежно превращается в государство-рантье. Есть факты, указывающие на отсутствие прямой связи между обеспеченностью легкодоступными ресурсами и политическим развитием. Со ссылкой на М. Росса он пишет: «Ближневосточные государства, купающиеся в нефти, слышать не хотят о демократии; но и бедные страны, в которых нефть отсутствует, тоже не слишком знакомы с плюрализмом» [16, с. 113; 46].

Но еще больше вопросов возникает при объяснении российских политических реалий. Здесь мнения сильно разнятся. Так, П. Гурха не отрицает негативного воздействия ресурсного изобилия на экономику пореформенной России, это видно, по его мнению, невооруженным глазом. С 1998-го по 2005 г., т.е. в период первого за всю постсоветскую историю максимального роста цен на энергоресурсы, доля сырьевых товаров в российском экспорте (в первую очередь нефти, газа, топлива и руд) возросла с 2/3 до 3/4, превзойдя весь остальной экспорт [37, с. 602.]. Он выявляет особенности сырьевой экономики, в конечном итоге являющиеся патологическими. Это сосредоточенность на сырьевом секторе, препятствующая диверсификации, тенденция к формированию олигополии в сырьевых отраслях, их государственная опека в связи с тем, что только от них зависит пополнение бюджета, сращивание бизнеса и государства, слияние государственных и экономических интересов в сфере сырьевых ресурсов, что обособляет этот сектор от остальной экономики, подрывая рыночные принципы. Как видим, в основном это экономические последствия, но имеющие прямой выход на политический уровень.

С. Фиш считает, что сырьевая рента является главной причиной крушения демократии в России: изобилие ресурсов остановило демократический процесс посредством коррупции, государственного вмешательства в экономику, ограничения свободы предпринимательства [36]. Ему возражает У. Томпсон, по мнению которого, нет оснований считать, что политика в России была бы более демократичной, а власть – менее коррумпированной и более

эффективной, если бы страна не располагала большими сырьевыми ресурсами [52, с. 336]. Еще более решительно против идеи ресурсного проклятия настроен М. Брэдшоу: «...дурное управление, коррупцию и даже вооруженные конфликты нельзя объяснять сырьевой рентой как таковой; первейшее значение имеют те механизмы, с помощью которых рента присваивается, а также цели, на которые она расходуется» [26, с. 726]. Некоторые авторы и вовсе полагают, что России удалось избежать ресурсного проклятия, и в мировой экономике она играет более позитивную роль, чем даже в свое время играл Советский Союз [33]. По мнению У. Томпсона, значение политических патологий, объясняющихся ресурсной зависимостью, в российском случае сильно преувеличивается, а в изучении взаимосвязи между ресурсной зависимостью и плохим правлением важнее определить, что является причиной, а что следствием [52, с. 336–338].

В конечном итоге, считает ряд экспертов, хотя из эксплуатации ресурсов действительно извлекается огромная рента, нет особых оснований полагать, что при ее отсутствии российская модель была бы менее подвержена неэффективности управления и коррупции. В качестве доказательства чаще всего приводится «норвежский аргумент»: «Россия производит всего лишь 3 т. нефти на душу населения, в Норвегии аналогичный показатель составляет 20 т. На долю нефти приходится 45% норвежского экспорта и 17% ВВП – и все же этой стране удалось избежать как «голландской болезни», так и превращения в «нефтяное государство» [16, с. 117–118]. К нему примыкает наиболее распространенный среди критиков ресурсного проклятия «американский довод» (США и Канада в период индустриализации и максимального подъема также не испытывали дефицита ресурсов). Однако на каждый из этих доводов у сторонников теории ресурсного проклятия имеется свой контраргумент.

Нельзя не упомянуть труды современных российских ученых, исследующих как чисто экономические, так и политические последствия ресурсного проклятия [2; 3; 4; 15]. Являясь активными участниками международной дискуссии по проблемам ресурсного проклятия, эти авторы исследуют, подтверждают и уточняют закономерности его воздействия на экономику и общество стран, богатых природными ресурсами. Помимо подтверждения главного положения – о том, что страны, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характеризуются более низкими темпами экономического роста, – ими были сделаны важные шаги в понимании воздействия ресурсного избытка именно на развивающуюся экономику, что особенно важно для проблемы модернизации. «“Ресурсное проклятие“ поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты... его основной механизм – дальнейшее разрушение институтов» [4, с. 74]. Была выявлена и доказана взаимозависимость таких процессов, как увеличение сырьевой направленности экономики и ограничение свободы слова и демократии, к которым примыкают типичные симптомы ресурсного проклятия – усиление авторитарных тенденций, сохранение массовой коррупции, снижение уровня образования и квалификации трудовых ресурсов [2].

Заключение. Проведенный анализ позволяет констатировать, что экономическая дискуссия по обозначенной проблеме не завершена. Однако очевидно, что имеющаяся критика идеи ресурсного проклятия носит скорее

уточняющий, нежели отрицающий характер. Если объединить вышеуказанные идеи в одно теоретическое положение об отрицательном воздействии ресурсного изобилия на развитие экономики и общества, придется признать, что в целом оно не опровергается экономистами. Важнейшие уточнения (важные именно для исследования, претендующего на общетеоретическое и социально-философское осмысление этого явления), сводятся к следующему:

1. Необходимо учесть, что негативное воздействие ресурсного проклятия на политическую трансформацию носит более стохастичный характер, чем на экономическую. Но это не означает, что оно отсутствует вовсе: большинство исследований его подтверждают.

2. Индустриализация и глобализация ослабляют влияние аграрной стесненности и увеличивают зависимость модернизации от обеспеченности промышленным сырьем; глобализация сама по себе снижает воздействие эндогенных факторов, но резко увеличивает влияние экзогенных, что приводит к ослаблению интересующего нас механизма.

3. Поскольку исторический опыт показывает, что слабая обеспеченность ресурсами или их полное отсутствие не гарантируют успешного политического и экономического развития, – необходимо теоретическое положение, которое это учтет. Пока оно не прозвучало, будет иметь место критика, подобная аргументу М. Росса (имеются бедные ресурсами страны, так же далекие от рыночной экономики и демократии, как и богатые).

4. Анализировать действие данного механизма необходимо не применительно к развитию «вообще» (экономическому или политическому – не важно), а к его конкретному этапу, т.е. в данном случае – к модернизации как переходу от аграрного общества к индустриальному, что, в свою очередь, требует методологического и теоретического выхода за пределы экономической науки. Только в этом случае снимаются аргументы, подобные «норвежскому» и «американскому».

Здесь важно заметить, что у экономических исследований есть недостаток, не позволяющий оставаться только на экономическом уровне изучения проблемы модернизации. Работая с современной экономикой и выявляя особенности ресурсного проклятия, они слабо фиксируют момент исторической трансформации. Сами понятия «модернизация», «аграрное» и «индустриальное общество» почти не фиксируются современной экономической теорией. Исключений, когда экономист занимается проблемой влияния экспорта ресурсов не только на чисто экономическом уровне, но и ставит проблему модернизации как исторической трансформации, – немного [21; 22]. Полагаем, что эти изыскания необходимо дополнять познавательными средствами, обращенными вглубь истории, в частности, методами теоретической истории и исторической макросоциологии.

Некоторые из приведенных работ показывают, что закономерность ресурсного проклятия, выходит за пределы экономики и проникает в область других наук. В частности, социологии (Э. Дюркгейм, М.М. Ковалевский, А. Со-ви), политологии (многочисленные исследователи «нигерийской болезни»), сравнительного изучения цивилизаций (А. Тойнби), социальной философии (Дж. Милль, К. Маркс). Весьма перспективным является культурологическое направление исследования этого феномена, особенно в России и на материа-

лах самой России. «Для русских, вне зависимости от того, какие цели ими движут и каковы их ценностные доминанты, арена действия – это «дикое поле», пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами» [11, с. 68]. «В России, – писал А.С. Ахиезер, – обширность пространства и ресурсов стимулировала экстенсивные методы воспроизводства, стремление сводить богатство к материальным ресурсам, которые можно получать путем простого приращения пространства» [1, с. 790]. Развивая идею Ахиезера, А.П. Давыдов считает «экстенсивную доминанту» (выбор экстенсивных решений в проблемных ситуациях) «одним из самых мощных факторов торможения развития» [5, с. 72]. «Экстенсивная ориентация, – считает И.Г. Яковенко, – структурная характеристика сознания. Ее носитель ищет бесплатных ресурсов, противостоит рынку как механизму, устанавливающему цены на ресурсы и цены на продукцию... Экстенсивно ориентированный человек не способен оптимизировать трудовую деятельность, снижать потери... Экстенсивная интенция сознания – один из самых мощных блокираторов динамики» [20, с. 254].

Проблема воздействия пространственного и ресурсного фактора на общественное сознание интересует многих ученых: российская ментальность и культура как продукты необъятных просторов и практически неограниченных ресурсов подогревают интерес ученых тем более, что на сегодняшний день Россия остается почти единственным феноменом чрезвычайно малой заселенности, следовательно, – уникальной «лабораторией» по изучению этого явления. Понятие «внутренняя колонизация», введенное А. Эткингом, было призвано выявить закономерности воздействию этого феномена на культуру [35].

Все эти примеры указывают на то, что закономерности воздействия ресурсного изобилия выходят за пределы действительности, изучаемой экономической наукой, и непосредственно касаются проблемы длительных социально-исторических трансформаций, в том числе – модернизации. Если же учесть то важное обстоятельство, что экономические исследования ресурсного проклятия затрагивают философскую проблему взаимодействия природы и общества и не противоречат таким учениям о развитии, как диалектика и синергетика, то становится ясно, что мы имеем дело с фундаментальной закономерностью исторического развития. И философское исследование модернизации не может не учитывать этой закономерности. Однако, с другой стороны, гуманитарные (исторические, философские и культурологические) изыскания не должны проводиться в отрыве от наиболее сциентистских по своим методологическим принципам и средствам экономических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.
2. Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 4–24.

3. Гуриев С., Плеханов А., Сони К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
4. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.
5. Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России: подведение итогов первого заседания «круглого стола» «Ахиезеровских чтений» // Фило-софские науки. 2010. № 2. С. 68–79.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и по-слесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 574 с.
7. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономиче-ского человека: Пер. с нем. / Ин-т социологии. М.: Наука. 1994. 43 с.
8. Зомбарт В. Современный капитализм. Историко-систематическое исследование об-щевропейской экономической жизни от ее зачатков до современности. В 3 т. М. Л., 1924–1929. Т. 1: Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современно-го капитализма. Полутом 1. Л.: Путь к знанию, 1924. 274 с.
9. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистическо-го хозяйства. В 3 т. Т. 1–3. М., Издательство К.Т. Солдатенкова, 1898, 1900, 1903.
10. Ковалевский М.М. Экономический строй России // Ковалевский М.М. Избранные тру-ды. В 2 ч. Ч. 1. Сост. Н.Б. Хайлова. М.: РОССПЭН. 2010. С. 392–572.
11. Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 61–74.
12. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. Т. I. М.: Республика, 1992. 399 с.
13. Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 23.
14. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 13.
15. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономиче-ская политика // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 4–27.
16. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Непри-косновенный запас. 2010. № 6(74). С. 112–130.
17. Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. Т. 2. Жизнь насе-лений. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
18. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
19. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) // Урланис Б.Ц. Историче-ская демография: избранные труды. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяй-ственного прогнозирования РАН. М.: Наука, 2007. С. 19–308.
20. Яковенко И.Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России // В по-исках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Сост. А.П. Давыдов. М.: Новый Хронограф, 2009. С. 224–260.
21. Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5 С. 4–29.
22. Ясин Е. Нефть, темпы и инфляция // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 4–20.
23. Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. Lon- don: Routledge, 1993. 272 pp.
24. Bilsborrow R.E. Population Pressures and Agricultural Development in Developing Coun- tries: A Conceptual Framework and Recent Evidence // World Development. February 1987. Vol. 15. Issue 2. Pp. 183–203.
25. Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965. 124 pp.
26. Bradshaw M. Observations on the Geographical Dimensions of Russia's Resource Abun- dance // Eurasian Geography and Economics. 2006. Vol. 47. № 6. Pp. 724–746.
27. Bulte E.H., Damania R., Deacon R.T. Resource Intensity, Institutions, and Development // World Development. July 2005. Vol. 33. Issue 7. Pp. 1029–1044.
28. Clark G.C. Population Growth and Land Use. London, Macmillan, 1967. 406 pp.

29. Corrigan C.C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Resource Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // *Resources Policy*, 10 / 2013. Pp. 1–14.
30. Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // *Social Forces*. 2010. Vol. 88, No. 5. Pp. 2217–2240.
31. Darity W.A. Jr. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // *Journal of Development Economics*, 1980. Vol. 7. Issue 2. Pp. 137–157.
32. Ding N., Field B.C. Natural resource Abundance and Economic Growth // *Land Economics*. November 2005. 81 (4). P. 496–502.
33. Ellman M. (Ed.). *Russia's Oil and Natural Gas: Bonanza or Curse?* London: Anthem Press, 2006. 230 pp.
34. *Escaping the Resource Curse* / Edited by Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J.E. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007. 432 pp.
35. Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, UK: Polity Press, 2011. 282 p.
36. Fish S.M. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 336 pp.
37. Goorha P. The Political Economy of the Resource Curse in Russia // *Democratizatsiya*. 2006. Vol. 14. № 4. Pp. 601–611.
38. Hiro D. *Blood of the Earth: The Global Battle for Vanishing Oil Resources*. London: Politico's, 2008. 424 pp.
39. Johnston K.J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // *Journal of Anthropological Archaeology*. June 2003. Vol. 22. Issue 2. Pp. 126–161.
40. Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997. 380 pp.
41. Kelley A.J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // *Journal of Economic Literature*. 1988. Vol. 26, No. 4. Pp. 1685–1728.
42. Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // *The Journal of Economic History*. 1978. Vol. 38, No. 4. Pp. 839–864.
43. Krautkraemer J.A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // *Journal of Development Economics*. August 1994. Vol. 44. Issue 2. Pp. 403–428.
44. Lambin E.F., Meyfroidt P. Land Use Transitions: Socio-Ecological Feedback Versus Socio-economic Change // *Land Use Policy*. April 2010. Vol. 27, Issue 2. Pp. 108–118.
45. Ohlin G. *Population Control and Economic Development*. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. 1967. 138 p.
46. Ross M. Blood Barrels // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. № 3. Pp. 2–8.
47. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398, 1995. 47 pp.
48. Sakwa R. *The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin, and the Yukos Affair*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 426 pp.
49. Scanlan S.J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16, No. 2. Pp. 231–262.
50. Shaxson N. Oil, Corruption and the Resource Curse // *International Affairs*. 2007. Vol. 83. № 6. Pp. 1123–1140.
51. Simmons I.G. *Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History*. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189–195.
52. Tompson W. The Political Implications of Russia's Resource-Based Economy // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21. № 4. Pp. 335–359.
53. Weinthal E., Luong P.J. Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth // *Perspectives on Politics*. 2006. Vol. 4. № 1. P. 35–53.